

Алекс Змаев
Ангелина Змаева

ТУМАН НАД ТРОПАМИ

Алекс Змаев

Туман над тропами

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Змаев А.

Туман над тропами / А. Змаев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Каждый создает вокруг себя свой собственный мир. В нем человек отражает самого себя, устанавливает принципы добра и зла, ориентиры и календари. Для многих свой мир весьма компактен (любимое кресло и столик возле него), а иногда - расширяется, включая в себя заметно большее пространство, других людей и даже города и страны. Особенно много неожиданностей случается, когда на дворе стоит "эпоха перемен". А уж если это не просто перемены, а один из великих переломов истории, когда личность начинает осознавать себя, выделяя из рода... Но героине мало интереса в том, как назовут ее время потомки, она просто строит мир для себя. Как умеет...

© Змаев А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алекс Змаев, Ангелина Змаева

Туман над тропами

5 день 10 луны 10901 круга от начала мира. Поселок.¹

Вождь племени Белого Броненосца наблюдал за предпраздничной суетой. Ребятишки таскали хворост для вечерних костров. Женщины готовили еду для пира. Охотники строили временный «мужской дом». Только подростки, которые должны были стать совершеннолетними в этот раз, пытались делать вид, что сидят спокойно и с достоинством. Получалось не очень. Да еще шаман племени задумчиво прохаживался около поселка.

В предстоящем обряде для шамана не было мелочей. А потому Мутный Ручей старался предусмотреть все нюансы обряда. Ибо только личное внимание старшего духа-покровителя могло дать возможность правильно назвать тотемы вступающих в совершеннолетие подростков. Серьезная же ошибка в тотемном имени... О таком не хотелось даже думать. Казалось бы, все готово, традиции соблюдены до последней мелочи, но тревога не покидала старого шамана. Что-то не так, неправильно... И вождь нервничал, не понимая, почему.

День уже полностью вступил в свои права, и солнце стало заметно припекать, когда перед входом в поселок вождь увидел Мягкую Лапку, шаманку Туманной Анаконды. Она уже давно жила в половине дня пути от поселка вверх по склону горы. Там, в укрытой от посторонних глаз лощине, били из земли горячие источники. Иногда между камней с шипением вырывались струи пара. Эта лощина – одно из мест, принадлежащих Туманной Анаконде – хозяйке горячих вод и туманов, покровительнице домашнего очага и вареной пищи. Ее относили к старейшим духам, которые редко вмешивались в дела людей или оказывали племенам покровительство. Однако они могли селиться там, где считали нужным.

Соседство шаманки восприняли с радостью. В случае неприятностей с Туманной было к кому обратиться. Тем более, Мягкая Лапка оказалась спокойного нрава и очень хорошей травницей, что быстро оценили в племени. Жительницы поселка частенько отправляли к ней детей за настойками и мазями. Пару лет назад она взяла в ученицы Крадущуюся – младшую дочь вождя. Правда, в поселке поговаривали, мол, девчонка просто сбежала подальше от постоянных нотаций своей бабки. В это легко верилось: большая часть женщин племени смотрела на Крадущуюся с сочувствием.

Пакостный характер Свистящей Селедки с возрастом все более ухудшался и в последние годы ее за глаза, а иногда и в глаза стали называть по тотемному имени. Селедка и Селедка, и никак иначе. Лишь охотники еще пытались соблюдать вежливость, называя Свистящей. Наверное, не столько из уважения, сколько чтобы не нарываться на очередной истошный вопль: «Я под тебя, молокосос, не ложилась, чтобы ты меня Селедкой звал. Для тебя я – Свистящая». Внучку она воспитывала особенно старательно. Старушку приводило в бешенство, что Крадущаяся обществу девочек предпочитает мальчишескую компанию. Неразлучная тройка в составе Крадущейся, ее старшего брата – Рожденного Утром и сына шамана – Толстого Сучка, была вдохновительницей и участницей большинства шалостей молодежи племени. Когда дочка начала увиваться вокруг шаманки, ее отец – Рассерженный Броненосец встревожился, заподозрив подготовку очередной пакости, однако Мягкая Лапка на удивление быстро нашла общий язык с девочкой. Уже через полгода за настойкой, предотвращающей зачатие, женщины поселка стали потихоньку ходить к Крадущейся, не утруждая себя подъемом на гору к шаманке. А после того, как девочке удалось спасти укушенного змеей охотника, Рассерженный Броненосец перестал беспокоиться о будущем дочери.

Мягкая Лапка посмотрела на толпу.

¹ Год – круг, в нем 13 лун по 28 (или 29) дней. Начало года – окончание сухого сезона. Примерно – весеннее равноденствие.

– Приветствую тебя, Рассерженный, и тебя, Мутный. Туманная сегодня с ночи плюет паром и сильно ругается. Предупреждает о беде. Я не смогла понять, о какой. Не вы ли прогневили ее?

Мутный Ручей покачал головой.

– Я тоже чувствую тревогу, но Белый Броненосец молчит. Мне пока не ведома грядущая опасность.

– Зато я знаю. Я все-все видела... Распустили молодежь, так теперь не жалуйтесь!..

Селедка выскочила вперед, размахивая палкой, подобранной где-то по дороге.

– Вот эти трое опять все затеяли, да еще и мелкоту подбивают, портят. Ишь что удумали – покровителя нашего оскорблять!.. Она размахивала руками и тыкала палкой в сторону священной скалы. Возвышающийся рядом с поселком утес белого известняка напоминал очертаниями броненосца, припавшего к земле. И Селедка показывала куда-то в область его загривка:

– Они там гнездо из веток свили, чтобы сверху за обрядом наблюдать. У-у-у, глаза бесстыжие. Это ж додуматься надо, на покровителя нашего усесться. Я все видела, как они ветки таскали, да меж собой договаривались, когда кто подглядывать будет. И маленьких-то, маленьких тоже всех впутали, – Селедка ухватила за волосы пацаненка лет восьми и вытащила в круг в качестве образца этих самых «маленьких». Парнишка вертелся и пытался ускользнуть в толпу.

– Придется их наказать. Как думаешь, Мутный?

– Надо на время обряда отослать их из поселка. Мало ли как покровитель отреагирует?.. Всех, кто участвовал.

– А все, все участвовали! – Селедка никак не могла успокоиться. – Кто ветки ломал, кто таскал, а кто просто смотрел. Вся молодежь испорченная. В мое время им бы давно уже отцы семь шкур спустили, и были б все послушные да почтительные! А теперь и отцы хороши! Нет бы старую мудрую женщину послушать! Ведь говорила же я! Сколько раз говорила!

Мутный Ручей поморщился:

– Ну ты, положим, тоже смотрела. Выходит, участвовала?

– Так я-то – только чтобы рассказать!

– Чтобы рассказать? А почему не остановить?

– Так я же... о чем бы тогда рас... – тут она поняла, что сболтнула не то, и быстро поправилась: – А я испугалась, испугалась! Они такие вымахали, и я бы их останавливать полезла? Зато сейчас всем говорю.

– Ясно с тобой все. Замолчи.

Рассерженный Броненосец вышел вперед. Его разговор с матушкой тоже утомил. И по молодости-то она была не подарок, сколько он помнил, а уж к старости...

– Я не буду разбираться, кто участвовал, а кто нет. Все эти обезьяньи дети, старше восьми кругов, включая вас, – его взгляд уперся в неразлучную троицу, – сейчас собираются и идут к источникам Туманной Анаконды. Рожденный Утром, ты – старший. Принесете ей дары и благодарность за предупреждение.

Лицо Рожденного Утром приобрело такое выражение, будто он сжевал слишком много семян папайи Их горьковато-жгучий вкус уважали охотники и воины, но ненавидели женщины и дети.

– Да уж, благодарность... Такую затею сорвала.

Сказал тихо, но отец услышал.

– Поблагодарить! И надолго там не застревайте. Быть добрыми гостями и освободить от себя хозяйку не позднее заката. Сомневаюсь, что Туманной будет приятно на вас смотреть. Заночуете на спуске – прихватите гамаки. Все! Я сказал.

Сочтя свою задачу выполненной, Рассерженный Броненосец отправил двоих воинов в сторону священной скалы, убирать «гнездо». Мутный Ручей побрел следом. Когда толпа немного разошлась, Мягкая Лапка отвела в сторону Крадущуюся.

– Слушай меня, девочка. Вы, конечно, начудили, но вряд ли ваши глупые детские шалости могли обеспокоить Туманную. Мне по-прежнему тревожно. Я останусь в поселке. Может, смогу сообразить, о чем покровительница предупреждала. Как провести принесение даров, ты знаешь. Справишься. Только помни, Туманная очень сердита. К дарственному камню подходите осторожно – ошпарить может. Да... и еще, девочка, будь внимательней к знакам. Вдруг тебе удастся понять, о чем она предупреждает. Ты нравишься Туманной, я давно заметила. Ну все, идите.

Пока Крадущаяся пыталась осмыслить сказанное наставницей, отряд «добровольных дарителей» уже собрался и увязывал приношения для Туманной внутрь скатанных рулонами гамаков. Малыши капризничали и дулись, так что Крадущейся пришлось собираться практически бегом. В качестве дара она взяла глиняную фигурку марги.

5 день 10 луны 10901 круга от н.м. Лес.

У входа в поселок собралась разновозрастная компания от восьми до тринадцати кругов, человек в двадцать. Только Рожденному Утром скоро исполнялось четырнадцать, но к обряду этого года он все-таки опоздал родиться. Отправляться с «толпой мелкоты» было особенно обидно. На сестру, которая, собственно, и придумала затею с гнездом, он посматривал весьма сурово. Когда все собрались, Толстый Сучок подошел к другу.

– Ну что, Старший, все готовы – можно идти.

В ответ ему были два изумленных взгляда.

– Сучок, с каких это пор я стал зваться Старшим?

Рожденный Утром непонимающе хлопал глазами, а Крадущаяся о чем-то глубоко задумалась. Сучок кивнул головой, состроил ехидную рожицу Крадущейся и, подойдя ближе, ответил шепотом:

– Во-первых, вождь сказал: «Ты старший». Во-вторых, ты действительно старший из всех нас. Ну и в-третьих, через год у тебя совершеннолетие. И то, как тебя зовут сейчас, станет частью имени. Ты хочешь на всю жизнь остаться «Рожденным Утром»?

Крадущаяся подошла к ребятам, даже не притворяясь, что ничего не слышала, внимательно посмотрела на них и кивнула брату. Сучок отвернулся, рассматривая морской берег в просветах деревьев за поселком. И заговорил, будто бы ни к кому не обращаясь.

– Ты хороший охотник, Старший. Уже сейчас из лучших. И когда-нибудь мог бы стать хорошим вождем для племени. Но сам подумай, выберет ли племя вождем того, кого зовут «Рожденный Утром», как маленького ребенка, о котором еще нечего сказать? Так что эти два дня я буду звать тебя Старшим. И Крадущаяся тоже будет. А за нами и остальные. А потом... потом поглядим, может, и закрепится. Да хватит разговоров, пойдем уже. Командуй, Старший.

Сучок нередко удивлял друзей необычными речами, в поселке считали, что регулярное общение его отца с духами не прошло для парня даром. Вот и на сей раз они постарались не заметить странности.

Цепочка подростков неспешно выползала на тропу, ведущую вверх по склону. Шли медленно, несмотря на то, что даже самые младшие были в лесу далеко не в первый раз. Предстоящая ночевка сильно увеличила груз скаток за спиной. И хотя каменные топоры взяли с собой только старшие из ребят, остальным тоже поклажи хватило. Легкие копы сочли нужным нести все мальчики. Возможно, так они казались себе взрослее. А ножами не пренебрегли и девочки, которые вдобавок запаслись полосками вяленой рыбы на день. Хотя мальчики и хвастались, что обязательно добудут по пути достойный ужин, веры им было немного. Луки имелись только у Толстого Сучка и Старшего, да и то лишь потому, что они меньше чем полгода назад выпросили их у вождя. Один хитростью, другой – за компанию.

Тропа вилась по густому лесу, обходя выступы скал, забираясь все круче и круче в гору. Поднимались не быстро, но младшие скоро стали отставать. Сучок, шедший последним, пере-

дал идущим впереди просьбу сделать привал. Заодно решил потренировать ребят на новое имя друга. По цепочке прокатилась фраза – «Сучок – Старшему: нужен привал». В ответ пришло: «Старший – Сучку: ищем место.»

Место нашлось у источника Ворчливого Сырка. Вода в бочажке чуть пузырилась и щипала язык. Чувствовалась близость территории Туманной Анаконды. После короткого отдыха двинулись дальше, идти оставалось не более одного перехода.

Ребята уже подошли к лощине с источниками, когда сзади раздался оглушительный грохот и вой, нарастающий с каждой секундой, будто нагоняющий их. Они замерли кто где был, но сначала ничего не произошло. А потом земля под ногами вздрогнула, как вздохнула, и они повалились друг на друга. Вверху по склону задрожали деревья и сквозь лес отовсюду посыпались камни. Кувырком с горы свалился молодой удав. Свиваясь в кольца, он не обращал никакого внимания на людей. Через несколько вдохов, показавшихся им вечностью, дрожь земли затихла. Остался только далекий вой. Ребята повернули головы на звук. Высокая, уходящая в небо гора, расположенная примерно в неделе пути от поселка, выглядела непривычно, неправильно. Над вершиной поднимался черный столб дыма, расплываясь шляпкой гигантского гриба, подсвеченной снизу багровым колеблющимся светом.

Они сидели на земле и молча наблюдали разворачивающуюся перед ними картину.

Сучок стал спешно пробираться к голове колонны, замечая по ходу, все ли целы и невредимы. Дойдя до Старшего, он плюхнулся рядом с Крадущейся. Помолчал, посмотрел на дымный гриб, который уже перестал реветь, но все больше вытягивался в небо. Затем, повернувшись к девушке, хрипло прошептал:

– Огненный Змей?

– Наставница говорила, что это его гора, – ответила она, зачарованно следя за поворачивающимся высоко в небе дымным столбом.

– Никто не помнит, когда он в последний раз выходил на поверхность...

– Что мы знаем о старейших духах?

– А вот Туманная наверняка знала, сестра ему как-никак... Может, о том и предупреждала?

Их разговор прервал какой-то новый звук. Гул и шелест, как будто по гальке тащат тушу огромного крокодила, который при этом еще бьет хвостом. Этот треск и скрежет раздавался вовсе не у горы Огненного Змея, а где-то совсем рядом, на землях племени. Звук усилился, изменяясь, стал похож на тяжеленного зверя, проламывающегося, валя деревья, сквозь заросли мимо их пути, а потом стих.

В лощине Туманной Анаконды сердитым ревом откликнулись вырывающиеся между камней столбы раскаленного тумана водяных змей.

Крадущаяся зябко передернула плечами.

– Туманная сердится. Нам пора идти.

Лощина была полна паром. Крадущаяся никогда не видела это место в таком густом тумане. Давно привычную тропу местами размыли струи кипятка и приходилось петлять между горячими источниками и лужами бурлящей грязи. Становилось тяжело дышать. Близкое присутствие Хозяйки Горячих Вод ощущалось всеми, заставляя торопиться.

Перевести дух удалось лишь рядом с хижинкой Мягкой Лапки, расположенной почти в центре лощины на небольшом холмике, поросшем деревьями. Парни и девушки собрались рядом с хижинкой, нервно оглядываясь по сторонам. Казалось, они стоят на пучке зелени, брошенном в кипящий котел. Крадущаяся смотрела вниз, на «Логово» – небольшое озеро с чистой водой. Озеро как озеро, да только рыба в нем не водилась, и руку в воду было не опустить: горячо. Раз в пару десятков вдохов из-под воды вырывался столб раскаленного пара: Туманная дышала. Высовывающиеся из воды каменные валуны позволяли добраться до дарственного места – широкой плиты, лежащей в нескольких шагах от берега.

Крадущаяся оглядела своих спутников. Все держались более или менее спокойно, видимо за день уже устали, а может, верили в благосклонность к ней хозяйки этого места. Только маленькая девочка, получившая прозвище «Чья-то», была очень бледна и даже не пыталась унять нервную дрожь. Крадущаяся мимоходом удивилась, зачем девочку отправили с ними: ей еще не сравнялось восьми кругов. Но думать об этом сейчас было бессмысленно, и дочь вождя обратилась к остальным:

– Слушайте внимательно. Приготовьте свои дары, встаньте друг за другом у берега, перед этими камнями, и ждите моего слова. Как только я разрешу, первый быстро прыгает по камням до плиты, оставляет дар и возвращается. Потом, когда я скажу, идет следующий. Поняли?

Слушатели закивали.

– Тогда идем к Логову. Старший будет первым.

Крадущаяся смотрела на столб пара и считала вдохи, примериваясь к дыханию Туманной Анаконды.

– Старший, давай!

Старший, быстро прыгая по камням, добрался до плиты, оставил несколько самодельных наконечников для стрел и вернулся обратно. До выдоха Туманной Крадущаяся успела вздохнуть еще четыре раза. Она решила, что с теми, кто постарше, проблем быть не должно, а вот малышей придется выпускать раньше, еще во время предыдущего выдоха Туманной.

– Сучок пошел!

Приношение даров шло успешно и уже приближалось к концу. У воды стояла лишь дочь вождя, решившая идти последней, да в сторонке переминалась с ноги на ногу Чья-то, трясущиеся ручонки девочки были пусты.

– Чья-то, у тебя что?

– Ну... потеряла.

Крадущаяся сняла цветную веревочку, которой завязывала в хвост волосы, и подала девочке.

– Бери и приготовься.

Девчушка кивнула и послушно выполнила приказание.

– Давай!

Чья-то шустро проскакала по камням до дарственной плиты и... устремила дальше.

– Что?!

– Куда?!

Следом за девочкой с воплем кинулся Старший. Камни за плитой были мелкие и стояли реже, так что далеко Чья-то забраться не успела. Старший подхватил ее подмышки и поволок к берегу. Однако время закончилось. Они прошли половину пути, когда в небо ударил столб пара. Но Туманная смиловилась над обиженными разумом и на подростков попало лишь несколько брызг озерной воды.

Усадив плачущую девочку на берегу, Старший жадно глотал воздух.

– Ты зачем туда полезла?! – проорал он, и на мгновение Крадущейся показалось даже, что он собирается ударить девочку, но он забросил руку за спину и потер обожженное плечо.

Одноухий Тапир сказал, я ни на что не годна... что мои дары тоже никому не нужны... сказал... меня можно только на суп пустить, да и то отраву получится... Вот я и решила... отравить.

Крадущаяся покачала головой. Все знали, что Чью-то привели в племя вместе с матерью в последнем набеге и охотник, назвавший ее мать женой, не особо радовался «довеску». Но такого Крадущаяся не ожидала. А Старший просто подскочил на месте.

– Что? А ты сама чем думала, заправка для супа? Решила, Туманная тобой ужинать захочет?

– У-у-у-гуууу-у-у.... – и девчушка заревела в голос.

Ребята смотрели на них выпученными глазами, а затем начали хохотать. Резко, нервно, наружу выходило все напряжение этого дня. Один из мальчиков стал кататься по земле:

– Ой, не могу... Ой «Заправка Для Супа»... Ой, придумал!..

Крадущаяся подошла и отвесила Старшему подзатыльник.

– За что?

– За имя! Думать надо, прежде чем языком трепать!

Старший почесал в затылке, поморщился, виновато посмотрел на плачущую девочку, потом на Крадущуюся.

– Ты можешь исправить?

– Попробую.

Дочь вождя, достав каменный нож, стала отрезать девочке косу. Чья-то, подавившись слезами, замолкла от неожиданности и, хлопая глазами, уставилась на Крадущуюся.

– Сиди, не дергайся, только больнее будет. Почему не сказала раньше? Свариться в кипятке – не единственный способ принести себя в дар духам.

– Но ты же не шаманка?

– Не шаманка, но что делать... посмотрим, как поведет себя Туманная.

Крадущаяся достала фигурку марги, в другую руку взяла отрезанную косу и стала ждать выдоха Туманной. Как только выдох пара закончился, она прыгнула на тропу и чуть не зашипела – камни жгли ступни. Прыгать по ним труда не составляло, и Крадущаяся быстро добралась до плиты. Все просто, только в отличие от остальных ей нужно спеть призыв. Положив косу и фигурку к прочим дарам, дочь вождя начала свистеть и шипеть, изображая призыв змей. Стоять неподвижно она не могла – плита жгла ноги, а потому – свистела, приплясывая и пританцовывая. Плита качалась у нее под ногами. Просвистев положенные два выдоха, Крадущаяся кинулась к берегу. В глубине загудело, а потом посередине всплыл пузырь пара. Поднятая им волна смысла подарки с плиты и плеснула о берег. Тут же в небо взвился фонтан пара и воды.

Сучок подошел к Крадущейся.

– Дары приняты?

– Да, – Крадущаяся повысила голос, чтобы остальные слышали, – а наша малышка теперь Подаро...чек, и у отца нет власти над ней!

– Что ж, Подарочек – хорошее имя, да и внимание Туманной может ей пригодиться.

– Да, у сестры все получилось замечательно, Сучок. А теперь пора уже «не задерживаться и быть хорошими гостями», то есть пошли отсюда, ребята.

Старшему не хотелось прерывать разговор друзей, но он планировал до темноты увести ребят на поляну у источника. Они уже направили стопы к выходу из лощины, когда Сучок неожиданно схватил Старшего за руку.

– Стой! Смотрите...

На большой ветке дерева, прямо над хижиной шаманки, сидела крупная марги. Кошка глядела на ребят и, казалось, подмигнула. А затем резко развернулась и исчезла в кроне.

– Крадущаяся, мне не показалось? Она точно такая же как та, которую ты отдала Туманной?

– Если и показалось, то не только тебе...

Сучок задумчиво почесал голову, но говорить больше ничего не стал.

Быстро собравшись, компания двинулась в обратный путь. Он оказался неожиданно простым – лощина успокоилась, струи кипятка больше не текли по тропе, туман рассеялся и даже свист пара стих. Место Туманной Анаконды вновь становилось таким, каким Крадущаяся привыкла его видеть во время частых путешествий к наставнице.

Когда ребята добрались до источника, уже стемнело, и гамаки пришлось развешивать в пляшущем свете языков пламени костра.

Сучок примостил свой гамак рядом с гамаком Крадущейся. Девушка посмотрела на него, подняв бровь – на большой поляне мест для гамаков достаточно, зачем тесниться? Но сочтя, что вопрос не стоит разговора, стала устраиваться спать, пока не почувствовала, как Сучок подтянул ее гамак вплотную к своему.

– Крадущаяся, ты поняла, что случилось, когда мы уходили от Логова?

– Марги видели. Красивую...

– Не только. Обряд совершеннолетия случился. Сама вспомни. Дары принесли? Принесли. Духа звали? Звали. Знак был? Был.

– Да ну, пустое. Дары по другому поводу. Я – не шаманка, а Туманная – не покровительница нашего племени. Да и обряда совершеннолетия не проводилось.

– Ах «не проводилось»?.. А что, по-твоему, сегодня шло в поселке? Да и марги тебе всегда нравились.

– Ну и что? Тебе вон опоссумы нравятся, так что – станешь Сучком Опоссума?

– Может и стану, если Покровитель позволит. Но почему именно Сучком Опоссума? Может – Опоссумом На Толстом Сучке?

– ... подвешенном за лапы вниз головой. Сам подумай, зачем опоссуму на тебя влезать – ты не в его вкусе.

– Ладно, что гадать – через год узнаю. А про марги ты наставнице все-таки расскажи.

Крадущаяся, внезапно посерьезнев, кивнула головой:

– Расскажу. Обязательно.

Затем повозилась в гамаке, отворачиваясь от света костра, и мгновенно уснула.

6 день 10 луны 10901 круга от н.м. Лес.

Утром все поднялись рано и быстро собрались в путь. Слишком много впечатлений свалилось за прошедший день. Хотелось увидеть родной поселок, родителей и друзей.

С горы бежалось легко, и даже пропущенный праздник не портил настроения, они оживленно переключались, предвкушая возвращение домой. Тем неожиданнее оказался внезапно возникший поперек тропы завал из стволов деревьев и веток, перемешанных с землей. Ребята остановились, недоуменно переглядываясь. Сучок с сумрачным видом рассматривал протянувшуюся поперек склона стену в три человеческих роста. Старший с Крадущейся подошли к нему.

– Там, – Сучок махнул рукой на тянувшийся вдоль тропы скальный гребень, – по скалам пройдем.

Путь по скалам был короток, но труден, шли осторожно. Младшие не могли перепрыгивать с камня на камень, как это удавалось старшим ребятам, и цепочка растягивалась. В конце концов они миновали завал и увидели, что скрывалось за ним. Весь склон горы, до самого моря, напоминал небрежно вскопанный и прополотый огород, только вместо травы некая сила выдрала гигантские деревья и походя отбросила их на край «грядки», щедро полив берег водой.

Но главное... Поселка не было. Совсем. На прежде обжитой расчищенной среди леса поляне валялось несколько прокопченных камней от большого очага, да в яме для забора глины блестела вода. И само море изменилось – теперь берег проходил прямо там, где вчера еще стояли крайние хижины, а от большой белой скалы покровителя племени осталась только половина. Голова и передние лапы Белого Броненосца исчезли, и ровный скос известняковой скалы уходил прямо в мутные волны бухты.

Куда-то делась не только половина священной скалы, но и вся низкая, заросшая заболоченным лесом коса, соединявшая территорию племени с материком. На месте бывшего леса море спокойно перекачивало свои воды, да за возникшим проливом слегка дымилась гора Огненного Змея.

– Похоже, мы на острове, – прервал общее молчание Сучок, посмотрев на Старшего.

– Может, там остался кто-то живой?

– Не знаю. Искать не получится, наверно. Слишком много воды.

– Я все-таки попробую добраться до скалы, а вы с ребятами подождите здесь, – кивнув остальным, Старший стал спускаться с каменистого гребня.

Быстро уйти не удалось: спустившись, уже через несколько шагов Старший провалился по пояс в жидкую грязь. Юноша выбрался из предательской лужи, возникшей, по-видимому, на месте «выполотого» дерева, и осторожно стал пробираться дальше.

Когда он вернулся, стоял уже почти полдень и над облысевшим берегом поднимались клубы пара – обильно политая земля сохла под солнцем. Старший вывозился в грязи по самую макушку, а в руках держал за жабры двух здоровенных морских рыб, хвосты которых волочились по топкому илу.

– Никого не нашел... вот – на обед будет. Валялись в грязи и еще дышали. Смотрел следы у поселка – все, что там было, утащило вдоль скалы Броненосца к берегу. В воду. Людей... никаких следов, мертво.

Все стояли молча и ошеломленно смотрели на Старшего.

– Уходим отсюда. Выше завала был ручей, там прожарим рыбу и подумаем, что делать, – и Старший, сгорбившись, побрел вверх по склону, не оглядываясь.

Крадущаяся ухватила за жабры одну из рыбин, кивнула Сучку на другую и пошла следом.

Тесная и сырая поляна у ручья, сомкнутые вокруг нее деревья казались покоем и порядком, отгораживая людей от голой, взрытой пустоты берега и смертельной мощи стихий. Меж двух камней пылал костер, излишне большой: скорее для успокоения, чем по необходимости. Рядом с костром на углях пеклась рыба. Все подавленно молчали, девочки тихонько плакали, утирая глаза и носы руками. Крадущаяся ощутила себя старшей в становище, и потому очень просто запретила себе вопли, рыдания и прочие эмоции. Закусив палец одной руки зубами, другой она ворошила угли в костре, когда услышала рядом тихие всхлипы и подвывания. Оглянувшись, она обнаружила, что это Сладкая – самая старшая девушка в группе, не считая ее самой. А прислушавшись к словам, удивилась еще больше. Сладкая плакала не о родителях, братьях и сестрах, а о «нашем погибшем Белом Покровителе», и уже потом о «шамане, вожде и папе». Происходящее показалось дочери вождя странным и придало новое направление мыслям, слезы жалости высохли. Она и раньше не особо понимала Сладкую.

Сладкая получила свое прозвище вовсе не за выдающиеся женские достоинства, а за возникшую с раннего детства привычку жевать сладкий тростник. Что же касается внешности, то Сладкая и по виду была похожа на свой любимый тростник – такая же длинная и худая. Что она думала о своем будущем, Крадущаяся не знала, но замечала не раз, с каким жадным любопытством Сладкая смотрела на шамана или сидела около священной скалы, наблюдая за подготовкой к обрядам.

– Интересно, можно ли влюбиться в духа? – спросила Крадущаяся у севшего рядом с ней Сучка.

– Не в духе дело. Просто тень скалы была над всеми нами, над всем поселком. Это как ежеутренний восход солнца и ежедневно сладкий тростник. Ее мир, ее корни – постоянство всего. А сейчас все расколото.

– Тебе надо быть шаманом. Я бы не смогла так сказать...

– Все-таки вы со Старшим как сговорились, родственники. Он вчера утром, после того как я затеял смену имени, заявил, что это мне надо готовиться быть вождем, а не ему.

– Ну и?

Он покачал головой:

– Никакое не «и». Нельзя мне быть ни вождем, ни шаманом. Я немного «видящий».

– Почему ты никому не говорил об этом?

– А зачем? Чтобы отец стал готовить меня в преемники? Да и пользы от моего дара... немного. Как тебе объяснить? Вот, к примеру, подхожу я к дереву. Вижу цветок перед ним желтый, наклонен влево, и знаю, если я пойду справа от дерева, там может лежать змея. Потом замечаю – два лепестка у цветка оборваны, и чувствую, пойдя я слева от дерева, там в ногу может воткнуться острая ветка.

– И где ты пойдешь? – она была заинтригована.

Сучок помолчал немного, кивнул сам себе, и продолжил шепотом:

– Как решит шаман? Он решит, что змея важнее ветки. Она в родстве с покровителем клана, и значит, ее не следует беспокоить. Как решит вождь? Он решит, что каждый должен смотреть под ноги, а потому и ветка и змея его вообще не касаются, а важно то, куда и зачем все в это время идут. Вождь должен быть прям и тверд, как копьё. Шаман – надежен, как дух-покровитель. А я? Я вообще не могу понять, что важно, а что нет. Змея, скорее всего, уползет, а ветка прикрыта листьями и может глубоко пропороть ногу. А туда, куда идем, вообще идем зря, поскольку охота все равно будет неудачной. А потом я вижу рядом с цветком большой желтый лист, и чувствую... Я тону в своем видении, Крадущаяся.

– И как же ты все-таки прошел мимо того дерева? Что решил?

– А ничего я не решал. Просто шел, как случайно ляжет тропа под ноги. С детства научился забывать. Тропинки возможного чем-то похожи на паутину, я научился не замечать ее. Она сама по себе, я сам по себе.

– Почему ты рассказал это мне сейчас? Хочешь сказать, ты видел, что случится с поселком? – в голосе ее послышалось опасное шипение напуганной кошки.

– Видел. Сообразить бы еще, что именно... Когда мы делали гнездо на священной скале, я отговорил вас строить его у головы. Чувствовал, этого места «не будет». Но я не понимал, как это – «не будет»... Случившееся мне и в голову не приходило. И не могло, я ведь и сейчас не знаю, что произошло. Хотя да, еще кое-что видел, но тоже не понял.

Вконец запутавшись, она тряхнула головой:

– Успокойся, Сучок. Никто бы не понял. Когда я уходила, наставница решила остаться в поселке, потому что не могла понять грядущих событий. А ведь она была опытной шаманкой. Так что забудь пока, раз умеешь. Давай лучше займемся рыбой, она уже прожарилась.

Еда изменила настроение, шоковая замороженность прошла, и в разговорах все настойчивее зазвучал вопрос, что делать дальше.

За последние сутки ребятам не встретилось почти никого из лесной живности. Лес как вымер.

– Думаю, они испугались битвы духов, – важно заметил Старший, – помните, как тот удав удирал. Все хищники попрятались. Правда, и не хищники тоже, надежды на хорошую охоту – никакой. Дикий, ты как думаешь, есть смысл сейчас искать мясо? – он обернулся к сидящему рядом крупному, звероватому парню, который выглядел сверстником Старшего, появившись на свет на полтора круга позже.

Дикий, дожевывая поджаристый кусочек, облизал пальцы и присоединился к разговору:

– Как бы нас не нашли... Хищники попрятались, пока напуганные и не слишком голодные. Может, эта ночь и будет еще спокойной, а вот потом... Надо начинать ставить новый поселок, и вначале хотя бы частокол.

– Тогда нужно решать с местом, – подхватил Сучок. – Около этой мертвой земли мне не нравится, тревожно здесь. Наверно, спокойнее быть поближе к Туманной, все же она нас пыталась предупредить, это не просто так.

Как-то так получилось, что все повернулись к Старшему, ожидая решения. Крадущаяся мимоходом отметила, сколь вовремя произошла смена имени. Это наверняка не было совпадением – Сучок видел нечто в паутине возможного. Только вот не говорит, что.

Старший встал, подводя итог размышлениям.

– Да, Туманная нам помогала, значит, есть смысл идти на ее территорию. Но и беспокоить не хочется – Мягкой Лапки нет, шамана нет и подсказать некому. Лучше выбрать место рядом, не в самой лощине. Как я помню, горячий ручей, вытекающий из Логова, идет через цепочку из двух маленьких озер. Верхнее – на краю лощины, маленькое и тоже горячее. А нижнее – большое, с тростником по берегам и рыбой. В прошлый сезон я с отцом там несколько рыбин просто копьем смог добыть. Копья у нас как раз есть. Туда и пойдем.

Крадущаяся тоже помнила это место. Поляна у Тростникового озера была меньше чем в часе ходу от хижины Мягкой Лапки. И они с наставницей не раз собирали там травы. Опять предстоял путь в гору.

До места ребята добрались вечером и о каком-либо строительстве в этот день и речи быть не могло. К тому же всех куда больше интересовал вопрос еды – съеденная на привале рыба давно превратилась в воспоминания. Из срочных дел решили ограничиться кострами по краю поляны, плодами, орехами и речными моллюсками. Не слишком сытно, но выходить ночью на охоту было бы глупостью.

Полусонное усталое копошение прервали вопли Сладкой и Подарочка, которых перед этим отправили на озеро поискать ракушек. Размахивая руками, они объясняли наперебой, что вода в озере горячая, а в зарослях у берега плещутся несколько огромных рыбин.

Все кинулись к берегу. Вода в озере была не то чтобы действительно горячей, скорее излишне теплой. И крупным рыбам это не нравилось. Они жались к берегу и, высываясь из воды, хватали ртом воздух. Рыбная мелочь от попытки сварить суп в котле размером с небольшой водоем пострадала меньше и крутилась рядом с устьями двух холодных ручьев, сбегавших в озеро со стоящей неподалеку скалы.

Голодный желудок и вид еды в таком количестве и так близко прогнал всякую сонливость, и уже через несколько минут Старший, Сучок и Дикий, старательно прицеливаясь, били рыбу. Остановила их Крадущаяся, напомнив, что больше за вечер и утро не съесть, а коптильни в новом поселке пока не построено.

Под треск костра и шипение жарящегося ужина довольные участники рыбалки обсуждали сегодняшний рыбный день, согласно относя происходящее к помощи Туманной. Ну кто еще, кроме Хозяйки Горячих Вод, мог так вовремя устроить им столь сытный и вдобавок почти готовый ужин? О гибели родных и поселка все дружно старались не думать, а Старшего, вспомнившего про эту поляну, уже и вслух стали называть «вождем племени».

Сучок тихонько отозвал Крадущуюся в сторону от костра и шумной компании.

– Хоть ты-то понимаешь, что мы не племя?

– Почему?

Не то чтобы Крадущаяся думала иначе, просто не могла понять, к чему этот разговор.

– Потому что у нас нет духа-покровителя. Потому что ни у кого из нас нет взрослого имени.

– Это так серьезно? Я помню, Белый Броненосец не особенно вмешивался в дела поселка. Жили же как-то мы до сих пор. Ну а взрослые имена... со временем сами что-нибудь придумаем. Подберем себе тотемы. Ты вон уже выбрал, и разрешения ни у кого спрашивать не стал.

Сучок сел на камень и покачал головой, разведя руками в изумлении.

– Разве тебе наставница не рассказывала, почему племена без духа-покровителя не выживают?

– Нет. Мы как-то не говорили об этом. Почему?

– Личные тотемы – это младшие духи. Если человек связывает себя с младшим духом по своей воле, то дух рано или поздно захватит власть над ним. И человек превратится в животное, а племя без духа-покровителя – в стаю. Потому покровителем и должен быть старший дух, чтобы держать младших в подчинении и следить, как они выполняют свое соглашение с

людьми. Без позволения духа-покровителя только сумасшедший станет брать себе взрослое имя.

– И что нам теперь делать?

– Не знаю. Мне кажется, что среди нас есть один настоящий шаман... точнее – шаманка.

– Ты о той марги? Окончательно уверился, что это был именно обряд?

– А как же иначе? Подумай: Туманная нас даже рыбкой к вечеру подкормила, хотя мы не померли бы и на папайях. Неужели она не знает, что для нас сейчас самое главное? И что она делает? Она делает что-то очень похожее на обряд совершеннолетия. Посылает тебе марги, которая, по твоим словам, и так тебе нравилась. Как еще такое понять? Я для нас вижу единственную надежду – если ты уговоришь Туманную стать покровителем нашего племени. И тогда уже точно – племени.

– Ты что!?! Это же надо пить Воду Духов. А любой, кто ее выпьет, не являясь шаманом, сразу умрет!

– Если «не является шаманом». Говорят, что дух места его убьет. Так ведь Туманная не станет тебя убивать.

– Не знаю. Мне страшно...

– Мне тоже. Придумай другой выход, – Сучок встал и, не оборачиваясь, пошел к костру.

Крадущаяся сидела и смотрела на детей. Они остались одни, и надо было что-то делать. Никто, кроме нее, даже войти в хижину Мягкой Лапки не решится. Никого больше общаться с духами не учили. Хотя... Сучок вон и сам много чего умеет.

Все равно ей оставался только обряд и та часть тайных знаний, которые раскрываются после него. В остальном она уже давно помогала Мягкой Лапке. Так что? Рискнуть выпить из черной тыквы-горлянки? Эту порцию Воды Духов они делали совместно с наставницей – настойка из нескольких древесных грибов, приправленная травами. Наверное, Крадущаяся и сама могла бы ее сделать. Но сделать-то сделать, а вот пить? Как и сколько?

Крадущаяся поняла, что обдумывает практические вопросы. А значит, решение уже принято. Тогда надо поторопиться и успеть к хижине наставницы до темноты. Девушка подошла к Сучку и тронула его за плечо.

– Я пойду в хижину Мягкой Лапки.

– погоди, я провожу тебя.

Старший взглянул на друзей.

– Куда это вы?

– Племени нужен шаман, вождь, – Крадущаяся взглянула брату в глаза, выделив последнее слово, а затем повернулась и скрылась в вечернем лесу вместе со своим провожатым. Сидящие у костра проводили их взглядами и перешептыванием.

До хижины Мягкой Лапки шли молча – берегли дыхание. Да и не хотелось ни о чем говорить. Только отвязывая плетеную дверь во двор хижины, Крадущаяся обернулась к своему спутнику. Движения Сучка стали замедленными и словно неуверенными. Его взгляд шарил по сторонам, то обращаясь на девушку, то убегая в сторону.

– Ты опять что-то видел?

Сучок молча кивнул.

– Расскажешь?

– Нет. Не спрашивай меня, пожалуйста...

– Хорошо, не буду. Может быть, ты хотя бы знаешь, сколько Воды Духов нужно пить для обращения к хранительнице?

– Не спрашивай меня...

– Ну как знаешь. Хочешь молчать – молчи. Иди тогда, пока совсем не стемнело.

– Нет. Я посижу здесь под деревом. У Логова Туманной меня никто не потревожит.

– Сиди, – Крадущаяся вошла в хижину, прикрыв дверь.

И только тогда Сучок тихо прошептал:
– Прощай.

В хижине Мягкой Лапки все было почти так, как Крадущаяся видела несколько дней назад, сидя здесь с наставницей. Слева от очага на плетеных полках лежали тыквы с готовыми отварами и настояками, справа на опорных столбах висел гамак, а в глубине, у задней стены хижины, сушились пучки трав. Часть тыквенных сосудов упала с полочек и раскатилась по полу, но в целом убранство плетеной хижины не пострадало от землетрясения. Несмотря на вечерний полумрак, черная фляжка легко отыскалась на своем месте – Мягкая Лапка старалась прижимать наиболее ценные настойки прутиками к стене хижины, чтобы случайно не уронить их.

Девушка повертела фляжку в руках и задумалась. Сколько же пить? Наставница редко пользовалась Водой Духов. Хранится эта настойка тоже не слишком долго. Значит, на сколько тут? На раз? На два раза? Наверное, все-таки на два. Значит – пить половину.

Она выпила настойку, скривившись от горечи: «Ну и гадость!». Затем заткнула пробку и убрала тыкву на место. При этом чуть не промахнулась мимо полки. Голова кружилась, руки слушались плохо. Крадущаяся решила забраться в гамак, вот только сделать это оказалось не так-то просто. Земля норовила выскочить из-под ног, а гамак все время куда-то уплывал. Наконец ей все-таки удалось забраться на непослушную сетку и угнездиться там. Сразу стало легче, дремотнее. По ногам поднималось покалывание, и скоро они перестали ощущаться совсем. Она попыталась что-то сказать или крикнуть, но язык перестал слушаться. Холод добрался до сердца, и сознание затопила темнота.

Часть первая

6 декабря 1993 года от рождества Христова. Город.

Сегодня я вернулась с работы раньше обычного. НИИ Нефтехимии уже несколько лет перебивался случайными деньгами, а в нынешнем году стало особенно грустно. Дирекция, решив, что по вечерам от сотрудников все равно толку никакого, сочла экономию электричества более выгодной и закрыла институт в половине пятого.

Мужа еще не было дома, сын Игорек убежал к друзьям. Их рок-группа готовила какой-то сюрприз на школьный новогодний вечер. Только крикнул из прихожей: «Мам, я пошел. Буду – сегодня» И быстренько смылся. Уже девятый класс... н-да, время, время...

Я вывалила на сковородку сваренные макароны – поджарить. Извлекла из шкафчика банку шпрот и полезла искать консервный нож. Полосатая зеленая кошка² Харизма решила, что шпроты – это ей и, усевшись на табуретку, потянула банку на себя.

– Анубрысьнемедленно!

Кошка посмотрела на меня такими глазами, словно ее безмерно удивляла моя реакция: «А я чо? Я ниче. Она сама со стола поползла, спасаю, чтоб не упала».

– Харя, наглая твоя морда, кто утром сметану под шкаф укатил? Вот, будешь сегодня одни макароны есть!..

Харизма, изобразив оскорбленное достоинство, спрыгнула с табуретки и отошла на середину кухни. Потом села ко мне спиной и принялась постукивать хвостом по полу, отбивая ритм «я сердита, я очень сердита...»

² В среде заводчиков этот окрас имеет название «мы никогда не выдадим ее замуж», или «тэбби».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.